

УДК 343.9

К.Ю. Логинова

МОТИВЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена изучению мотивов имущественных преступлений несовершеннолетних. Раскрывается содержание и смысловое наполнение мотивов имущественных преступлений в зависимости от потребностей, лежащих в основе мотивации преступления, возраста совершившего преступление несовершеннолетнего, его пола, механизма зарождения мотива, определенного вида преступного посягательства. Проводится сравнение полученных результатов с данными криминологических публикаций прошлых лет.

Ключевые слова: несовершеннолетний, мотив, имущественное преступление, корыстная цель, потребность.

Интерес криминологов к проблеме мотивов преступлений несовершеннолетних не ослабевал ни в советский период, не ослабевает он и в настоящее время. И это не случайно. Как известно, мотив является детерминантой преступления, опредмечивающей потребности личности и стимулирующей ее криминальное поведение [1. С. 52–53]. Мотив преступления как внутреннее субъективное побуждение к действию определяется преимущественно образом жизни и воспитания несовершеннолетнего, нравственными, правовыми ценностями, стереотипами, господствующими в обществе и воспринятыми подростками. Соответственно, в мотивах преступлений несовершеннолетних раскрываются присущие им свойства и качества, выражается их отношение к основным социальным ценностям общества.

Имущественные преступления (преступления против собственности) в структуре преступности несовершеннолетних традиционно составляли и составляют основной массив. Как показало изучение уголовных дел¹, имущественные преступления несовершеннолетними совершались с целью завладеть чужим имуществом и обратить его в свою пользу, распорядиться им по своему усмотрению, т.е. с корыстной целью. Мотивы же этих преступлений различались. Они имели свое «уникальное» содержание и смысловое наполнение в зависимости от тех конкретных потребностей и интересов, которые в итоге и формировали мотив преступления.

Как показало исследование, среди мотивов имущественных преступлений несовершеннолетних преобладающими были мотивы (68 %), представляющие собой побуждение к совершению имущественного преступления для удовлетворения личных материальных потребностей и интересов за счет других лиц (корыстный мотив). Этот мотив не был связан со стремлением к накопительству, стяжательству как к таковым, он имел утилитарный характер. По таким мотивам было совершено подавляющее большинство преступлений

¹ Было исследовано 430 уголовных дел о преступлениях против собственности, совершенных несовершеннолетними, рассмотренных судами Кемеровской области в 2004–2012 гг.

против собственности (68 %), в том числе 52 % краж, 75 % грабежей, 51 % разбоев, 54 % вымогательств, 26 % угонов.

Стоит сказать, что корыстные мотивы в каждом преступлении имели разное содержание в зависимости от того, какие именно материальные потребности лежали в основе мотивации преступления. Исследование показало, что корыстные мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних выражали «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» (38 %); «стремление удовлетворить потребность в спиртном, в наркотиках» (33 %); «стремление выглядеть не хуже других» (так называемый «престижный» мотив – 25 %); «стремление устранить материальную необеспеченность» (4 %).

Как видим, для большей части преступников, совершивших имущественные преступления по корыстным мотивам, было характерно стремление путем совершения преступления завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни (38 %). Мотив «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» выражал, как правило, стремление несовершеннолетнего удовлетворить путем преступления свои потребности в предметах личного потребления, а также в ведении красивого, веселого образа жизни (связанного с посещением кафе, баров, дискотек, ночных клубов и т.п.). В этом мотиве довольно ярко выразились присущие большинству несовершеннолетних преступников материальные потребности в «своих» деньгах для обеспечения «праздного», нетрудового образа жизни. Изучение уголовных дел показало, что в основе этого мотива также лежало стремление несовершеннолетних преступников «уйти» от финансовой зависимости взрослых (родителей, опекунов) и путем преступления приобрести собственные денежные средства, которыми можно распорядиться по своему усмотрению. Именно поэтому основным предметом преступного посягательства имущественных преступников, совершивших преступление по этому корыстному мотиву, становились деньги – в каждом втором случае совершения подростками краж и разбойных нападений, в каждом третьем случае грабежей. Примечательно, что мотив «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» был наиболее характерен для юношей (71 %). Девушками по такому мотиву было совершено только каждое третье имущественное преступление (29 %).

Как показало исследование, в мотивационной сфере личности части несовершеннолетних имущественных преступников доминировали материальные потребности, нередко деформированные, асоциальные. Такой асоциальной (можно сказать, извращенной) потребностью была потребность подростков в спиртном, в наркотиках. Изучение мотивов преступлений показало, что мотив «потребность в спиртном, в наркотиках» составил треть всех мотивов имущественных преступлений (33 %) несовершеннолетних. Следует отметить, что потребность в алкоголе, реже в наркотиках, часто определяла содержание и такого распространенного мотива имущественных преступлений, как «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» (напомним, что к этому мотиву нами отнесены побуждения, выражающие стремления несовершеннолетнего получить материальные средства для ведения «праздного», веселого образа жизни). Надо ска-

зять, что в целом ряде случаев пристрастие к спиртному, желание получить особые приятные ощущения, наслаждение, эйфорию непосредственно обусловливали и направленность преступных действий на завладение именно спиртными напитками. Так, по изученным уголовным делам винно-водочные изделия (в том числе и пиво) как предмет преступления составили 4 %. Также нельзя не отметить, что каждый третий несовершеннолетний, успевший распорядиться похищенным (вещами, деньгами), использовал полученные средства для приобретения спиртных напитков или наркотиков. При этом следует сказать, что данный мотив нередко выражал стремление лица получить «разовое» удовлетворение своей низменной потребности в основном сразу же после совершения преступления. В то же время каждый третий грабитель и разбойник из числа несовершеннолетних совершал преступление, уже находясь в состоянии алкогольного опьянения. Мотив «потребность в спиртном, в наркотиках», так же как и рассмотренный выше мотив «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни», доминировал среди юношей (81 %), и только каждая пятая девушка (19 %) совершала имущественное преступление ради приобретения спиртного или наркотиков.

В четвертой части преступлений несовершеннолетних, совершенных по корыстным мотивам, характерными были «престижные» материальные потребности, т.е. потребности, связанные с ориентацией лица на своеобразное «статусное» потребление. Преступники, совершившие преступления по «престижному» мотиву, стремились получить средства для приобретения модных, редких, «престижных» вещей, обладание которыми дало бы им, по их мнению, возможность самоутвердиться, повысить свой статус, авторитет, уважение в группе. Стремление несовершеннолетних (особенно девушек) выглядеть не хуже других, потребность в красивых и модных, «престижных» вещах сами по себе, на наш взгляд, не носят негативного характера. Однако потребности и стремления такого рода, обуславливая преступление, показывают бедность интересов, нравственную несформированность личности несовершеннолетних, избравших преступление как способ их удовлетворения. Как справедливо отмечается в криминологической литературе, опасность неразумной, извращенной потребности в красивых вещах в том, что она замещает собой иные человеческие потребности и интересы; обладание какой-либо вещью рассматривается в таком случае индивидом в качестве единственной цели человеческой деятельности [4. С. 47–48]. Неудивительными в данной связи выглядят суждения имущественных преступников о главных ценностях в их жизни. На первое место по значимости несовершеннолетние поставили собственное личное благополучие, материально обеспеченную жизнь, а также отдых и развлечения (52 %); на второе место: общественное признание, авторитет и уважение (29 %); на третье – хорошо оплачиваемую работу и счастливую семейную жизнь (19 %). Для сравнения: в 1980-е гг. ориентация на материальные ценности была значительно меньше. Основными целями в жизни у несовершеннолетних преступников были: найти интересную любимую работу, встретить верных друзей, любимого человека, получить образование (среднее или высшее) [5. С. 79, 83–84]. Примечательно, что среди всех преступников, совершивших преступление по «престижному»

мотиву, большую часть составили девушки (63 %). И только каждый третий юноша (37 %) совершил преступления против собственности ради потребности выглядеть не хуже других, доказать свою значимость.

Изучение мотивов имущественных преступлений показало, что в ряде случаев имущественные преступления были связаны с действительной материальной необеспеченностью несовершеннолетних, их совершивших. Материальная необеспеченность, побудившая этих подростков совершить преступление, была вызвана рядом неблагоприятных жизненных обстоятельств. В одних случаях эти обстоятельства не зависели от воли преступников (болезнь, смерть близких, потеря трудоспособности родителей, опекунов и т.п.). Таких подростков, действительно оказавшихся в трудной жизненной ситуации, без достаточных средств к существованию, было немного – 8 %. В других случаях материальные затруднения «создавались» преимущественно самими несовершеннолетними в связи с побегом из дома, с отсутствием нормальных отношений с родителями, опекунами.

Надо отметить, что материальная необеспеченность порой носила субъективный характер; она воспринималась подростками как нужда, хотя в действительности таковой не являлась. Субъективная «нужда» была связана с завышенными притязаниями самих подростков. Они ориентировались на более высокий материальный уровень жизни, чем тот, который позволял иметь доход семьи несовершеннолетнего или его собственный. Изучение уголовных дел показало, что к «жизненно важным» для них предметам юноши в возрасте 14–15 лет относили горный велосипед, компьютерную приставку; юноши в возрасте 16–17 лет – МПЗ-плеер, GPRS-навигатор для транспортных средств, мобильный компьютер и т.п. Девушки в возрасте 14–15 лет «жить не могли» без часов фирмы Romanson в золотом корпусе, сумки из натуральной кожи, а 16–17-летние преступницы – без золотых украшений с бриллиантами, автомобиля. Возникший конфликт между желаемым и действительным в итоге приводил к совершению имущественных преступлений.

В криминологической литературе не раз отмечалось, что потребностям и интересам личности несовершеннолетнего преступника присущи определенные негативные особенности: нарушение равновесия между различными видами потребностей (материальными и духовными), общая бедность, а нередко и извращенный характер некоторых из них, аморальность и преступность их удовлетворения, различие мотивов в зависимости от рода занятий и пола преступников [6. С. 48–49]. Исследование показало, что отмеченная ранее особенность не потеряла актуальности и в настоящее время. Оно также показало, что мотивы имущественных преступников зависели от рода их занятий и пола. Так, среди юношей, не работавших и не учащихся ко времени совершения преступления, абсолютное большинство (до 85 %) совершило преступление по мотивам «потребность в спиртном», «стремление обеспечить нетрудовой образ жизни». У работавших, учащихся юношей по данным мотивам совершила преступление только третья часть (32 %), по «престижным» – чуть больше половины всех изученных (52 %), остальные – по иным рассмотренным мотивам. Среди девушек неработающие и неучащиеся совершили преступления по следующим мотивам: «потребность в спиртном» – 13 %; «материальная необеспеченность» – 34 %; «стремление обеспечить нетрудо-

вой образ жизни» – 53 %. У учащихся и работавших девушек мотивы кардинально отличались от мотивов неработающих. Мотив «потребность в спиртном» составил 7 %; «материальная необеспеченность» – 2 %; «престижный» – 61 %; «стремление обеспечить нетрудовой образ жизни» – 11 %; иные – 19 %.

Вторую группу мотивов имущественных преступлений несовершеннолетних составили мотивы, не имеющие, строго говоря, корыстного характера. Ряд преступлений был обусловлен не столько стремлением к незаконному обогащению и удовлетворению потребностей в имущественных благах, сколько возрастными особенностями несовершеннолетних. Мотивы, в которых нашли отражение возрастные особенности несовершеннолетних преступников, лежали в основе каждого третьего имущественного преступления (32 %). Следует отметить, что эти мотивы были неоднородными. Так, в одних случаях возрастные особенности при совершении имущественных преступлений проявились, говоря словами А.И. Долговой, в «мотивах роста», причем в противоречивой форме, путем доказывания значимой для подростка группе, что «я, как вы» и наряду с этим, что «я – личность», причем в последнем случае чаще всего в процессе взаимодействия с другими субъектами [3 С. 64]. По таким мотивам было совершено более половины имущественных преступлений этой группы (57 %). В других случаях мотивы, связанные с возрастными особенностями несовершеннолетних, выражали их стремление привлечь к себе внимание, вызвать зависть, восхищение, завоевать авторитет сверстников, членов «своей» группы ради желания развлечься «за компанию». Такие мотивы обусловили совершение 12 % краж, 21 % разбоев, 25 % грабежей, 10 % угонов и 5 % вымогательств.

Также следует отметить, что все мотивы имущественных преступлений различались не только по содержанию (в зависимости от потребностей и интересов, которые в итоге и формировали мотив преступления), но и по механизму их возникновения. Исследование показало, что подавляющее большинство преступлений (67 %) несовершеннолетние совершали по «внешнему» (ситуативному) мотиву. Так, каждая вторая кража (51 %), вымогательство (48 %), грабеж (67 %), угон (59 %), подавляющее число разбоев (80 %) совершались ими без предварительной подготовки. Умысел совершить преступление, как правило, возникал у преступников внезапно; подростки лишь использовали случайно возникшую «благоприятную» жизненную ситуацию для совершения преступления против собственности (например, при распитии спиртных напитков, при провоцирующем поведении потерпевшего и т.п.).

Только третья часть всех имущественных преступлений (33 %) была совершена преднамеренно, «по плану». В таких случаях несовершеннолетние, имея заранее обдуманый план действий, совершали имущественные преступления ради удовлетворения своих материальных потребностей («внутренний» мотив). Особенно значительной была доля «внутренних» мотивов при совершении подростками краж (49 %) и вымогательств (52 %). Стойкое антиобщественное поведение и неуважение к установленным в обществе правилам поведения приводили к тому, что нередко подростки сами сознательно создавали «благоприятные» ситуации для совершения преступлений. Особенно это было характерным для групп несовершеннолетних, когда подро-

ток не мог противостоять «авторитетному» влиянию других членов группы, не мог нарушить принятые в группе обязательные для выполнения правила поведения и вынужден был «идти на преступление вместе со всеми». Под влиянием группы несовершеннолетними была совершена третья часть всех краж и угонов (35 и 33 % соответственно), каждый четвертый разбой (25 %), почти каждый пятый грабеж и вымогательство (18 и 17 % соответственно).

Ретроспективный обзор криминологических публикаций прошлых лет позволяет говорить, что за последние тридцать–сорок лет мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних претерпели качественные и количественные изменения. Так, в 60–70-е гг. XX в. преступления против собственности несовершеннолетние совершали преимущественно по мотивам озорства, ложно понимаемого чувства товарищества. Часто преступление было спровоцировано и своеобразными положительными стремлениями, увлечениями и интересами несовершеннолетнего [4]. В 80–90-е гг. только у 18,5 % осужденных несовершеннолетних прослеживался типично корыстный мотив. Все иные имущественные преступления несовершеннолетних были обусловлены в основном стремлением иметь престижные вещи и через них утвердить свой авторитет, свое «я» [2]. Нельзя не заметить значительного увеличения в последнее время числа преступлений, совершенных по корыстным мотивам (с 18,5 до 34 %).

Можно сказать, что в современных корыстных мотивах имущественных преступлений проявилась утилитарная, потребительская ориентация несовершеннолетних на удовлетворение собственных материальных потребностей за счет других лиц. Эти потребности, как правило, были изначально «субъективно» завышены (стремление иметь вещи с высокими потребительскими свойствами под влиянием моды, принадлежности к определенной группе и т.п.) либо были в большинстве своем мнимыми, надуманными. Нередко потребности носили негативный характер. Так, если в 80–90-е гг. только у 10 % осужденных мотивом преступления было стремление приобрести спиртное [2. С. 33–34], то сейчас аналогичный мотив встречался в каждом третьем преступлении несовершеннолетнего (33 %). Значительно возросло число преступлений, совершенных несовершеннолетними по «престижным» мотивам. Если в 80–90-е гг. XX в. около 4 % всех лиц, совершивших кражи, стремились получить в результате совершения преступления деньги на покупку модных, «престижных» вещей и только 8 % совершали кражу ради потребности в красивой жизни, то сейчас каждый третий несовершеннолетний (38 %) совершил преступление ради получения материальных средств для красивой, нетрудовой жизни, а каждый четвертый (25 %) – по «престижным» мотивам. Следует также сказать, что во второй половине XX в. почти половина всех имущественных преступлений (40 %) была связана с действительной материальной необеспеченностью лиц, совершивших преступления [6. С. 33]. В настоящее же время по таким мотивам имущественные преступления совершались в пять раз реже – только каждое 25-е преступление (4 %) вызвано действительно тяжелым материальным положением несовершеннолетнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989. 193 с.
2. Елисеев С.А., Прокументов Л.М. Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск, 1991. 78 с.
3. Прокументов Л.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: (Региональный аспект). Томск, 2004. 106 с.
4. Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск, 1989. 110 с.
5. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1981. 160 с.
6. Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. М., 1981. 135 с.

Loginova Ksenia Yu. Novokuznetsk Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation).

MOTIVES FOR PROPERTY CRIMES COMMITTED BY JUVENILES.

Key words: juvenile, motive, property crimes, mercenary motives, needs.

A motive for a crime as an inner subjective action tendency is determined foremost by the lifestyle and upbringing of a juvenile, by moral and legal values, stereotypes predominating in a society and accepted by juveniles. Accordingly, the motives for crimes committed by juveniles reveal their characteristics, qualities and their attitude to principal social values.

The research showed that the predominant (68%) motive for property crimes of juveniles was satisfaction of individual material needs and interests at the expense of other people (a mercenary motive). This motive was not connected with striving for hoarding and money grabbing as such but had a utilitarian character. It is worth saying that in each crime mercenary motives had different content depending on the character of material needs. It was showed in the research that mercenary motives of property crimes committed by juveniles expressed "the striving to take possession of material resources to ensure idle life" (38%); "the striving to satisfy the need for alcoholic drinks and drugs" (33%); "the desire to look not worse than others" (the so-called "motive of prestige")—25%; "the desire to eliminate material insecurity" (4%).

The motives without profit comprised the second group of motives. A number of crimes were caused not by striving for illegal enrichment and satisfaction of material needs but by age peculiarities of juveniles. One in three property crimes (32%) included the motives which reflected the age peculiarities of juveniles. The crimes were committed because of a "growth motive" which combined the desire to prove a personal pertinence, authority, dominance in a group and desire "to follow the crowd". More than 57% of such property crimes were committed because of these motives. In other cases the motives connected with age peculiarities of juveniles expressed their desire to attract attention, make other jealous, excite admiration, earn a great reputation among peers and group mates and just for fun "for a team".

All motives for property crimes differed in content and causes for crimes.

REFERENCES

1. *Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N.* Lichnost' korystnogo prestupnika. Tomsk, 1989. 193 s.
2. *Eliseev S.A., Prozumentov L.M.* Obscheugolovnye korystnye prestupleniya: kriminologicheskaya charakteristika, ugovnaya otvetstvennost'. Tomsk, 1991. 78 s.
3. *Prozumentov L.M.* Kriminologicheskaya charakteristika prestupnosti nesovershenno-letnich: (Regional'nyy aspekt). Tomsk, 2004. 106 s.
4. *Eliseev S.A.* Voprosy teorii i praktiki preduprezhdeniya korystnykh prestupleniy. Tomsk, 1989. 110 s.
5. *Dolgova A.I.* Sozial'no-psichologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnich. M.: Yurid. lit., 1981. 160 s.
6. *Kudryavtsev V.N.* Mechanizm prestupnogo povedeniya. M., 1981. 135 s.